

Б.Н. Чичерин

**Вступительная лекция по государственному праву,
читанная в Московском университете
28 октября 1861 г.**

В настоящее время преподавание государственного права в наших университетах важнее, нежели когда-либо. Мы живем в эпоху великих преобразований в Русском государстве. На наших глазах совершается один из тех переворотов в народной жизни, которые составляют эпоху в истории. Я разумею освобождение крестьян. 22 миллиона русских людей получают гражданские права, изменяется весь состав общества, положение сословий, состояние собственности, экономический быт, нравы, обычаи, даже частная жизнь. Сколько нужно знаний, обдуманности, твердости, чтобы как следует обсудить и привести в действие подобное законоположение! Из этой одной меры вытекает множество других. Новый гражданский порядок требует целой новой администрации. Свобода рождает множество отношений и столкновений, для разрешения которых необходимы особенные органы. Там, где прежде достаточно было одного помещика, теперь нужна полиция, нужен суд. Положением о крестьянах учреждена небывалая еще у нас должность – мировые посредники, которые получили важное значение в администрации. С этим в связи находится предполагаемое преобразование уездных и губернских учреждений, которые должны быть приведены в согласие с изменившимся положением сословий. Начало реформы положено введением судебных следователей. Но и самый суд настоятельно требует преобразования. Новый порядок вещей, уничтожая частный произвол, имеет в виду водворение в обществе начал права и законности. Для этого необ-

ходим просвещенный и беспристрастный суд, охраняющий права, воплощающий в себе идею правды. А между тем у нас нет еще самых существенных условий правильного суда. У нас нет магистратуры, нет адвокатов, нет юриспруденции. Вам, вероятно, известно, что в настоящее время все наше судебное устройство подвергается обсуждению и что к этому призываются люди, которые своими знаниями и опытностью могут содействовать этому великому предприятию. Наконец, все наше финансовое управление получает новую организацию. Один уже выкуп поземельной собственности для 20 миллионов крестьян требует огромных средств и составляет сложную операцию, неизвестную доселе в истории наших финансов. Недавно еще вы могли прочесть указ, которым отменяются винные откупа, самая значительная отрасль государственных доходов, и вводится акциз, менее обременительный для народного кармана. Нужно ли указывать на новую систему кредитных учреждений, на предпринятую сеть железных дорог, которая должна охватить всю Россию и вызвать в ней неразработанные еще источники богатства?

Вы видите, гг., что дела у нас много, что законодательной деятельности государства предстоит обширное поприще. Глядя спокойно и беспристрастно на то, что происходит вокруг нас, мы по совести должны сказать, что мы сетовать не вправе. Преобразования совершаются, преобразования самые существенные для народного блага, и всякий беспристрастный человек должен сознаться, что, вообще говоря, они совершаются обдуманно, с соблюдением истинных интересов государства. Освобождение крестьян не только великая мысль, но и как исполнение оно делает честь России. Совершить такое дело, особенно в трудные времена, при недостатке средств, мудренее, нежели произвести всевозможные политические перевороты. Это преобразование дает нам почетное место в ряду европейских народов. Его одного достаточно для поглощения сил целого поколения. Поэтому в настоящее время ввиду совершающихся перемен, которые охватывают жизнь до самого корня, одно непростительное легкомыслие может ограничиваться критикой частных стеснительных мер или вековых злоупотреблений, которых искоренение требует долговременной работы народа над самим собою. Мы будем остерегаться подобного способа суждения. Близорукая пошлость в великих событиях, в знаменательных

эпохах видит одну мелочную сторону, одни дразги, потому что другого она не в состоянии понять. Истинный патриотизм возвышается над этими мелкими побуждениями и обращает свои взоры на то, что составляет существенную пользу отечества. В наше время русский патриот с доверием может глядеть на будущее, потому что настоящее представляет ему прочные залогов совершенствования. Мы не стоим на месте, мы идем вперед, и идем быстрыми шагами, как может засвидетельствовать всякий, кому известно, как трудно и медленно совершаются вообще государственные преобразования.

Но государственной деятельности мало. Истинно плодотворное развитие требует содействия всех граждан. Была пора, когда правительство делало и направляло все. Этим достигалась известная степень государственного могущества, общественного порядка и благосостояния; но далее известных пределов это идти не может. Для большего могущества, для высшего развития и благосостояния нужны новые силы, нужна энергия целого народа. В наше время европейские державы достигли той степени развития, когда без самостоятельной деятельности общества обойтись невозможно, когда всякое государство, которое хочет сохранить свое место в ряду других, обязано призвать на помощь общественные силы. Через это правительственная задача становится гораздо мудренее, нежели прежде. Тут необходимы новые политические взгляды, новые способности, которым не было места в прежнем порядке. Направлять общество, возбуждая в нем самостоятельную деятельность, гораздо труднее, нежели действовать одному. Но в настоящее время без этого обойтись невозможно.

У нас в России эта общественная самостоятельность едва начинается. Мы привыкли всего требовать, всего ожидать от правительства, пренебрегая частною деятельностью, более тесной, но часто более плодотворной, нежели государственное поприще. Однако сознание этой самостоятельности в нас пробудилось. Это факт, который нельзя уничтожить. Общественное мнение начинает предъявлять у нас свои, правда еще весьма незрелые, требования. С этим вместе ответственность каждого гражданина становится тяжелее, ибо общественное мнение тогда только может быть полезным элементом государственной жизни, когда оно в себе самом носит начала общественного благоустройства и сознает потребно-

сти государственного порядка, когда оно знает, чего следует желать и чего можно достигнуть. Разумное общественное мнение – первое условие свободного и плодотворного развития; общественное мнение шаткое, страстное, безрассудное вызывает только реакцию и бросает тень подозрения на свободу. Между тем у нас слышится только нестройный говор едва пробудившейся мысли. Стоит прислушаться к хаосу разноречащих возгласов, которые раздаются кругом нас, стоит вникнуть в эту полную анархию умов, шатающихся из стороны в сторону и хватающихся за самые крайние мнения в надежде найти в них какую-нибудь точку опоры. Весь этот буйный разгул мысли, все это умственное и литературное казачество составляют, к несчастью, проявление одной из исторических стихий русской жизни. Но ей всегда противодействовали разумные общественные силы, которые ставили себе задачей развитие гражданственности и порядка. Если в настоящее время мы выросли из пеленок, если самые обстоятельства жизни заставляют нас стать на собственные ноги, то нам необходимо выйти из этого состояния. А выйти из него можно только упорной работой мысли, воздерживанием кипучих своих стремлений и разумным взглядом на окружающий нас мир. Тогда только образуется у нас общественное мнение, которое станет действительной силой и могущественным деятелем просвещения. Тогда оно само выставит из среды себя людей, которые в состоянии будут руководить им ввиду государственной пользы и сделаются для него знаменем и авторитетом.

Вы видите, гг., что везде, куда бы мы ни обратились, наверху и внизу, в центре и в областях, прежде всего нужны люди. А между тем даже и в обществе, в сословных выборах, в судах, в науке, в литературе, в нашем тесном университетском кружке – везде камнем преткновения является бедность в людях, недостаток приготовления. Мы вообще слишком еще склонны за все хвататься наобум, вкривь и вкось толковать обо всем, не прошедши через ту медленную работу мысли, которая одна может дать прочное основание для деятельности и для суждений. При этом наши взоры невольно обращаются на университеты, на рассадники нашего образования. Государственные люди и общественные деятели вырабатываются не канцелярскою рутинной, не чтением газетных статей и не шумными речами на площади, а серьезным и усидчивым трудом. Мы

надеемся, что, несмотря на временное увлечение, наши университеты не отклонятся от существенной своей задачи – готовить полезных деятелей для Русской земли. Различные общественные поприща ожидают вас впереди; но куда бы вы ни были призваны, везде основной закваской будут для вас те знания, которые вы вынесете отсюда, та работа, которой вы посвятите себя здесь.

Не думайте, чтобы предстоящий вам труд был маловажен. Государственные вопросы разрешаются нелегко. Тут недостаточно одних добрых намерений и благородных побуждений. Менее всего достаточен тот дешевый либерализм, который, являясь ныне на всех перекрестках и пренебрегая наукой и трудом, питается журнальными крохами. Тут нужно изучение систематическое и серьезное. Государство – организм многосложный, который заключает в себе бесчисленное разнообразие отношений. В науку о государстве входят и философия, и история, и юриспруденция, и бытовые условия, и экономические вопросы. Все это надобно изучить, чтобы составить себе полное понятие о предмете. Можно почти сказать, что все это надобно знать, чтобы разумно обсудить всякий практический вопрос; ибо в каждом явлении жизни отражается вся ее полнота, каждое из них находится в зависимости от всех стихий, входящих в состав целого организма.

Курс наш, гг., будет разделяться на общее государственное право и на изложение русских государственных законов. Первое полугодие я буду посвящать исключительно первому. Таким образом лучше сохранится нить преподавания, и вы сами лучше будете приготовлены к изучению наших отечественных законов. Преподавание положительного права без предшествующей теории может дать только знание рутинное, годное единственно для ограниченной практики, а не ясное понимание вещей, которого мы желаем достигнуть в университете. Мало того, как скоро мысль возбуждена, такое преподавание может повести к одним сомнениям. Я, например, стану излагать вам устройство наших административных мест. А вы спросите: но зачем нужны чиновники? будто нельзя без них обойтись? И укажете на известные всем нам злоупотребления. Я стану объяснять вам, что чиновники необходимы в государственном управлении; а вы спросите: но зачем же нужно государство? это только стеснение свободы. И таким образом от вопроса к вопросу и от сомнения к сомнению вы дойдете до

отрицания всех существенных оснований общества. Эти сомнения могут разрешиться только изучением общей науки о государстве, которая не идет вразрез с положительными законами, с действительною жизнью, а способствует их уразумению.

Теория государства, или общее государственное право, как называют его немцы, наука, возникшая в недавнее время. Вне Германии она едва известна, и можно сказать, что до сих пор она еще не получила должной обработки. Прежде она сливалась с так называемым естественным правом, или с философией права, и тогда она носила иной характер. Философия права по существу своему имеет направление умозрительное. Оставляя в стороне разнообразные условия жизни, она часто становится в противоречие с действительностью. Особенно при одностороннем развитии начал она нередко являлась то невозможною утопией, то революционною пропагандой, то панегириком известному образу правления. Наука во всей ее полноте не ограничивается умозрением и избегает односторонних взглядов. Задача ее – изучить и объяснить все элементы государственной жизни, все ее явления в бесконечном их разнообразии. Нет политического устройства, нет сколько-нибудь прочного порядка вещей, который бы не имел глубоких корней в действительных условиях жизни, который бы не вытекал из истории народа, из внутреннего, часто темного, сознания о существенных его потребностях. Наука должна все это объяснить, а не ограничиваться легкомысленным отрицанием положительных данных, приписывая их невежеству, предрассудкам и т. п. Так поступали ученые XVIII в. В наше время этот способ суждения принадлежит к весьма отсталым. В наше время успехи науки привели нас к более зрелому пониманию вещей, к сознанию, что положительные факты вытекают из весьма положительных причин.

Таким образом, общее государственное право должно одинаково обнимать все формы государственного устройства, все образы правления, объясняя их значение, их выгоды, их недостатки и необходимую связь их с теми жизненными условиями, среди которых они существуют. Одно это воззрение можем мы назвать вполне наукообразным, потому что оно обнимает всю полноту явлений.

Теории государства я предпошлю историю развития политических идей. Это введение необходимое. Без него нет полноты, а потому нет и убеждения. Я стану излагать вам теорию государства,

но можете ли вы быть уверены, что это единственное правильное учение? Вы встретите в литературе множество других теорий, часто более заманчивых для молодого ума. Почему же не дать предпочтение последним? И вот опять возникают сомнения и вопросы. Разъяснить их может одна история науки, которая дает нам всю полноту развития идей, все разнообразие учений, возникавших одно за другим. Здесь только может объясниться место и значение каждого. Здесь вы увидите причины происхождения той или другой политической теории и необходимость перехода ее к системе, более полной и широкой. Односторонность и несбыточность теории раскроются здесь сами собою. Все элементы суждения будут у вас на глазах. Перед вами пройдет весь ряд мыслителей от Платона и Аристотеля до Макиавелли, Гроция, Гоббса, Монтескье, Руссо, Канта, Фихте, Гегеля и т. д. Мне останется только следить за этим ходом и указывать на суд, произносимый самой историей.

Но этого мало. Историческое развитие политических идей есть самое философское развитие элементов государственной жизни. Нет политической теории, как бы она ни была односторонняя, нет сколько-нибудь значительной системы, которая бы не опиралась на который-нибудь из этих элементов. Недостаток той или другой теории обыкновенно состоит именно в развитии одного элемента в ущерб другим. Но так как в цельном организме государства все эти элементы естественно вяжутся между собою внутренним законом своей природы, то односторонняя теория вследствие этой связи сама прямо указывает на необходимость дополнения, т. е. на дальнейшую, высшую теорию. Таким образом, естественная связь различных элементов государства отражается в естественной последовательности следующих друг за другом учений. Присущий вещам закон необходимости есть самый логический закон человеческого разума. Поэтому, изучая историю идей, мы на факте, в положительных явлениях жизни, изучаем самую полную и всестороннюю философию государства.

Результат этого философского развития идей есть понятие о государстве как о живом организме народного единства. Это не внешняя форма, наложенная на общество, не механическое соединение лиц. Нет, государство – живое единство народа; граждане – живые члены единого целого, единого духовного и свободного организма, который связывает между собою не только существую-

щих в данное время людей, но и давно прошедшие поколения с настоящими и будущими. Как телесный организм живет, растет и изменяется в продолжение всей человеческой жизни и сохраняет свое единство, несмотря на постоянную смену тех материальных частиц, из которых он составляется, так и народный организм сохраняет свое единство, несмотря на смену поколений, на изменение потребностей, верований, устройства. Современное государство не только нравственно, но и юридически связано со всеми предшествующими его формами. Связь эта образуется сохраняющеюся в нем непрерывностью сознания и воли. Потому мы народ иначе и не представляем себе, как единым лицом, т. е. субъектом, имеющим разумную волю, а потому и права. Таким он является в международных сношениях, в истории, в судьбах мира, и это лицо есть государство. Потому, когда историю народа противопоставляют истории государства, как будто государство есть что-то внешнее и чуждое народу, мы можем видеть в этом только смешение понятий. Государство есть сам народ как единое целое, как живой организм, как нравственное лицо, как исторический деятель. Каково отношение этого цельного организма к разнообразным проявляющимся в народе стремлениям, к частным союзам, к самостоятельной деятельности лиц – это другой вопрос, о котором мы будем говорить в свое время и который составляет одну из существенных задач государственной науки.

Из этого, господа, вы поймете различие между народами государственными и народами негосударственными. Государственный народ тот, который способен установить над собою высший порядок, разумно и единодушно подчиниться верховной власти. Государственные народы одни имеют высшее сознание и силу, одни призваны играть роль в истории. Государственные народы – венец человечества. Оттого, гг., мы, русские, не остались на степени болгар или хорват. Государственный смысл русского народа раскинул Россию на то необъятное пространство, которое составляет для нас отечество, и дал ему возможность играть историческую роль, которой может гордиться русский человек. Поэтому у нас тот только может сознательно кидать камень в государство, в ком исчезло пламя любви к отечеству. Я не говорю об огромном большинстве тех, которые толкуют, не зная о чем. С этих и взыскивать нечего.

Выработанное философией понятие о государстве принимается юриспруденцией, и здесь мы приходим к первой части нашего теоретического курса – к собственно так называемому государственному праву, которое излагает юридическое существо государства и весь проистекающий из него юридический его организм. Юридическое существо государства не что иное, как самое выработанное философией понятие о государстве. Юриспруденция потому именно может принять это понятие, что она сама к нему приходит, своим собственным путем, путем жизненного опыта, возведением явлений политической жизни к юридическим формулам. Это совпадение философской теории с юридическою служит лучшим доказательством правильности понятия. Юриспруденция берет это понятие и выводит из него логические последствия, развивает входящие в состав его стихии и определяет взаимные их отношения. Юриспруденция есть логика прав и обязанностей. Коренное ее начало – правда; выражение ее – закон, имеющий обязательную силу для всех.

Закон связывает во единое тело разрозненные лица, подчиняя их единой государственной власти. Повиновение закону – вот первое требование правды, первый признак гражданственности, первое условие свободы. Свобода анархическая – преддверие деспотизма. Свобода, подчиняющаяся закону, одна может установить прочный порядок. Не думайте притом, чтобы повиновение закону ограничивалось одними хорошими законами. Если б всякий стал исполнять только те законы, которые он считает хорошими, то было бы полное господство анархии. Во всех странах мира есть законы и хорошие, и дурные; но обязанность повиновения распространяется на все. Это – требование общее. Для юриста повиновение закону такая же основная аксиома права, как дважды два четыре для математика. Кто не врезал себе этого глубоко в сердце, тот не может сделать ни единого шага в правоведении.

В изложении теории государственного права мы начнем с учения о составе государства, об элементах, в него входящих, каковы народ, территория и, наконец, как существенный признак государственного союза, отличающий его от всякого другого, верховная власть. Затем мы перейдем к государственному устройству, покажем существо, значение и свойства правительства, различные образы правления, права граждан. Наконец, мы заключим теорией

государственного управления; мы разберем составные его элементы и постараемся объяснить всю ту сложную систему учреждений, которая служит для исполнения государственных целей.

Проходя эту первую часть науки о государстве, мы встретимся с важнейшими современными вопросами. Но правоведение может только подготовить юридическое основание для их решения. Само оно не в состоянии разрешить их вполне, потому что кроме юридического элемента каждый из этих вопросов находится в зависимости от множества других условий, которые имеют влияние на государство и которые поэтому надобно принять в соображение. Это приводит нас ко второй части нашей науки – к учению о жизненных условиях государства.

В самом деле, юридическая сторона государственной науки далеко не исчерпывает предмета. Если бы государство строилось по чисто юридической теории, оно всегда и везде было бы одинаково или, по крайней мере, оно ограничивалось бы весьма немногими видоизменениями, вытекающими из самого его существа. Но государство живет среди разнообразнейших жизненных условий, которые налагают на него свою печать и производят те бесчисленные политические формы, которые являются нам в истории и в современном мире. Эти жизненные условия суть свойства тех самых первоначальных элементов, которые входят в состав государства, именно области и народа. В государственном праве мы рассматривали их со стороны юридической. Здесь мы должны будем изучить их с действительной, жизненной их стороны и показать их влияние на государство.

Прежде всего мы встретим здесь физические свойства страны, характер почвы, климат и т. п. Все это имеет влияние не только на образование, но и на самое устройство государства. Давно уже, например, было замечено, что обширные области благоприятствуют развитию абсолютизма, а мелкие, напротив, представляют лучшие условия для народного правления. Но этого мало: естественные условия, составляя один из существенных элементов исторической жизни народа, налагают свою печать на постоянные свойства его духа, которых не изгладит никакое развитие. Объясню это примером.

Представьте себе, с одной стороны, обширную черноземную равнину, покрытую лесом, с другой – страну, представляющую разнообразную поверхность, изобилующую скалами, ущельями,

долинами. По обеим скитаются дружины со своими вождями. Естественно, что в последней стране каждый дружинный начальник усядется на неприступную скалу, где он построит себе каменный замок, откуда он будет владычествовать над окрестностью, куда не достанет до него чужая рука. На черноземной равнине это невозможно. Деревянные остроги и земляные валы, которые построят себе дружинники, будут служить им весьма ненадежным укрывательством от врагов. Для защиты их понадобится гораздо больше сил, нежели какими может располагать мелкий вождь. Последствия того и другого порядка очевидны. В гористой стране образуется несметное множество отдельных центров жизни и деятельности, которые представляют упорное сопротивление соединяющему началу. Отсюда борьба со всеми ее последствиями, отсюда протекающие из истории свойства народного характера, которые отражаются и в государстве, – личная энергия, сознание права, чувство чести, умение группироваться около отдельных центров. На черноземной равнине произойдут совершенно другие явления. Здесь личность, не находя прочных частных центров, к которым она может примкнуть, будет укрываться в одиночестве и легко подчинится всепоглощающей силе единства. Здесь разовьются мягкие свойства народа и образуется громадное тело, которое будет иметь значение не силой частей, а крепким единством своей массы.

Я не хочу, однако, сказать, что естественные свойства области всегда и везде имеют одинаковые последствия, непреложные как физический закон. Народная жизнь и история слагаются из множества элементов, в числе которых находятся и физические условия страны. Последние составляют только одну из действующих причин, которая может в значительной степени видоизмениться остальными, именно элементами собственно человеческими, общественными, которые имеют несравненно большее влияние, нежели первые, на государственный быт. Сюда относятся племенное начало, народность, состав общества, степень его развития, экономический быт, господствующие верования, предрассудки, нравы, обычаи. Все это вместе составляет учение об обществе.

По-видимому, нет ничего проще и яснее, как это влияние общественного быта на государство. Между тем только в настоящее время начинают приходить к сознанию, что государство не строится на одном умозрении, что существуют самобытные силы, часто

независимые от человеческой воли, которые противодействуют всякой несвоевременной перемене и неизбежно возвращают государство на прежнюю колею, если оно было выброшено из нее переворотом, основанным на одних теоретических требованиях. До сих пор еще, гг., большая часть либеральных людей убеждены, что достаточно захотеть свободы, чтобы ее достигнуть. Учение об обществе должно рассеять эти мечты. Оно показывает, что и свобода имеет свои жизненные условия, независимые от воли, коренящиеся в народном духе, в общественном быту, в естественном составе государства, в состоянии сословий и партий, иногда даже в отношениях к соседям. Без этих условий всякая попытка водворить свободу ведет только к сильнейшему деспотизму.

С другой стороны, не следует, однако, и преувеличивать это влияние общественного быта на политическое устройство. Государство не остается страдательной формой, которую общество образует по-своему. Государство – плод человеческого сознания, произведение разумной природы человека, а потому оно сознательно воздействует на те условия, среди которых оно существует, стараясь подчинить их высшей, разумной своей цели. Оно находит тесную область и стремится к ее расширению; оно находит общество раздробленное и старается его соединить. Эта новая, третья сторона государственной жизни есть политика. Тут мы имеем дело уже не с правом, а с пользой. Это не чистое проявление государственных начал, а приспособление их к разнообразным условиям жизни – задача трудная, в которой проявляется практическая мудрость государственных людей. По-видимому, науке тут нечего и делать. Политика является более искусством, нежели наукой. Государственный человек должен естественным тактом, высшим чутьем распознавать, что именно нужно сделать в данное время, при известных условиях. Сюда входит множество данных, почти неуловимых, за которыми наука уследить не может. Что же остается тут для теории? Не собьет ли она скорее с толку практического человека, нежели даст ему надежное руководство для деятельности?

Точно, отношение политических теорий к практике часто представляется в этом виде и, можно сказать, не без основания. Нет ничего гибельнее для практики, как теория односторонняя или недостаточная, какова бы она ни была – охранительная, либеральная,

демократическая. Государственный быт представляет соединение всех жизненных элементов в той форме, которая вытекает из естественных условий данной среды. Сочетание это происходит часто бессознательно, само собою, силою вещей. Односторонняя теория разрушает это практически образовавшееся согласие. Упуская из вида некоторые из существенных условий и элементов жизни, она вступает в разрез с действительностью и является чем-то для нее чуждым и враждебным. Вот почему, гг., мы так часто видим, что в мире владычествует рутина, тогда как благородные стремления остаются бессильными и бесплодными. Рутинa живет среди самой жизни; не сознавая ее разумным путем, она принимает все ее элементы, как они есть, как они сложились на практике. А потому она ближе к действительности, нежели благородные стремления, которые направляются односторонней теорией. Потому последние против рутины бессильны. Рутинa может быть побеждена только теорией всестороннею, которая принимает в расчет все жизненные условия и черпает свои уроки из самого опыта. Такова должна быть наука политики. Изучая возможно полным образом явления жизни и истории, она должна показать, какими средствами и при каких условиях государства образуются и живут, чем определяется различие образов правления и совершающиеся в государствах перемены, в чем состоят выгоды или невыгоды тех или других политических форм, что они могут дать и чего нельзя от них требовать, наконец, какими средствами может пользоваться государство для достижения своих целей. Теория политики, основанная на всестороннем изучении философии права и истории народов, составляет лучшее руководство для практики. Это венец науки о государстве. К несчастью, она далеко еще не достигла желанного совершенства. Это часть общего государственного права, которая наименее разработана.

Таков, гг., общий очерк науки, о которой мне придется беседовать с вами в первое полугодие. Я бы желал сказать вам, что я надеюсь не без пользы руководить вами на этом поприще. На первых порах своего преподавания могу только обещать вам усердно трудиться вместе с вами, чтобы достигнуть желанной обработки слишком обширного предмета. Для этого нужно одно – работать, как следует людям, преданным науке, – спокойно, беспристрастно, либерально. Когда я в деле науки говорю о либерализме, я разумею

не юридическую свободу, а свободу мысли, я разумею то просвещенное состояние духа, в котором человек внимательно выслушивает каждое серьезное мнение и старается извлечь из него для себя пользу. Тот, кто во имя либерализма хочет подавлять чужие убеждения, не имеет ни малейшего понятия о свободе. Это худшее из всех легкомыслий. Его, я надеюсь, мы не встретим ни на кафедре, ни на университетских скамьях. В стены этого здания, посвященного науке, не должен проникать шум страстей, волнующих внешнее общество. Здесь мы должны, углубляясь в себя, в тишине готовиться на жизненное дело или на полезное поучение. Для вас время деятельности, борьбы, страстного участия в общественных вопросах придет своим чередом. На долгой предстоящей вам жизненной дороге вы успеете утомиться житейскими заботами, и тогда вы с сожалением вспомните о той поре, когда вам дана была возможность с несокрушенными силами, с непоблекшими надеждами посвящать себя спокойному и бескорыстному труду. Призванный к жизни и деятельности, человек должен дорожить теми редкими минутами, когда он может собираться внутри себя и устремлять свои взоры на близкий душе его идеал. Идеал этот для нас – наука, во имя которой мы собраны здесь. Она выводит человека из области житейских стремлений и страстей и, ведя его за руку, дает ему силу возвыситься к тому широкому и свободному созерцанию жизни, которое составляет лучший залог основательной мысли и полезной деятельности.

И здесь как пример и поучение возникают перед нами образы наших предшественников в Московском университете, людей, посвящавших свою жизнь святому делу образования. Об одном я не могу не вспомнить в настоящую минуту с сокрушением сердечным. Я имел счастье слушать его, знать и любить. Я говорю о Грановском. И в вас, гг., живо предание о нем, хотя вам не дано было слышать его изящную и благородную речь, испытывать его могущественное действие на юные умы, которые влеклись к нему со страстной любовью. Это дар, который дается немногим. Тайна этой силы заключалась не в пошлом искании мимолетной популярности, не в лести юношеским страстям или даже и заблуждениям, не в громком провозглашении новых идей, пленительных для молодого воображения, а в самом благородстве природы человека, в его пламенной любви к истине и добру, в том возвышенном на-

строении духа, которое побуждало его с вершины науки, с высоты человеческих идей сочувствовать всему человеческому и мягко и любовно относиться ко всем явлениям жизни, в которых выражалось искреннее чувство или благородная мысль. Он был олицетворенная поэзия, воплощение всех лучших стремлений человека. Он был и остается красою Университета, и мы, его преемники, можем обращаться к его памяти для поддержки и возбуждения на предстоящем нам пути. И кажется мне, что дорогая тень блуждает еще по этим аудиториям; мне кажется, что она невидимо присутствует между нами, благословляя и поучающих, и слушателей на общее служение отечеству в деле образования.

Но эта драгоценная для нас память, гг., не должна служить нам предлогом для шумных манифестаций. Мы не должны призывать ее в свидетели своих страстных увлечений, но как душевное сокровище мы должны беречь ее для освящения того мирного и плодотворного труда, который составляет жизненное дело Университета. В этом состоит завещанное нам предание, которое мы обязаны свято хранить, предание, которое, непрерывною цепью передаваясь от поколения поколению, делает из Университета учреждение незабываемое, краеугольный камень русского просвещения и надежду Русской земли.